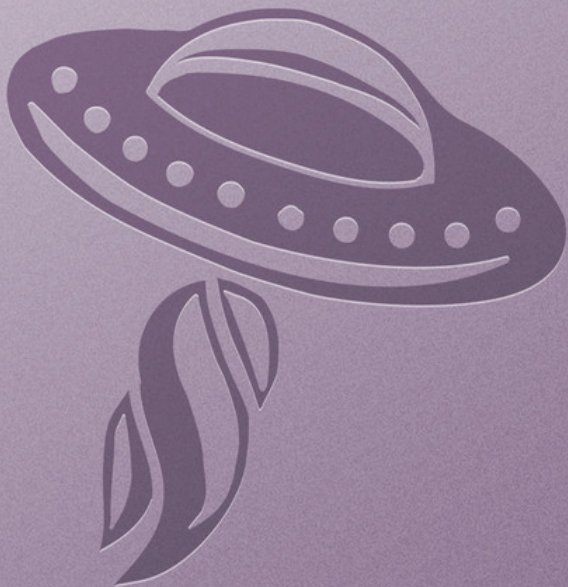

Михаил Пухов

Путь к Земле («Кон-Тики»)

Михаил Георгиевич Пухов

Путь к Земле («Кон-Тики»)

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145929

Текст предоставлен наследниками автора:

Содержание

1. Человека видно по походке	4
2. Двое на Боливаре	14
3. Прощайся с этой луной!	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Пухов

**Путь к Земле ("Кон-Тики"),
или Документально-
фантастический отчет о
рейсе крошечного лунолета
"Кон-Тики" по трассе
Луна – Земля, записанный
со слов участника
перелета А. Перепелкина**

В решетке они в море ушли, в решетке...

В решетке по крутым волнам.

Эдвард Лир

1. Человека видно по походке

Самое увлекательное приключение XXI века, как его называли телекомментаторы, началось с чашки кофе.

Мы с Эдиком Рыжковским, парнем неплохим, но иногда до болезненности самолюбивым, завтракали в буфете аэровокзала на девятом этаже. Лучший лунный кофе делают именно здесь, хотя получить его не так просто. Эдик только что совершил неслыханное – выиграл у автомата сразу две чашки, и завсегдатаи – а среди них порядочно космонавтов – поглядывали на него с уважением. Эти-то две чашки мы и смаковали, когда в помещении появился незнакомый нам человек.

Он вошел уверенной лунной походкой, какая замечается лишь у коренных «селенитов», как мы их между собой называем. На Луне все ходят замедленно – сказывается меньшая тяжесть, но у тех, кто недавно прилетел с Земли или даже Марса, это выглядит неуклюже. А человек, долгое время проживший на Луне, идет хоть и медленно, но с каким-то особым изяществом. Особенно красиво это получается у женщин.

Вот и наш незнакомец шагал именно такой, настоящей лунной походкой. Это было странно – мы хорошо знаем всех местных жителей, не так уж нас много. А внешность у него была запоминающаяся: подтянутый, среднего роста, глаза голубые, на голове короткий ежик совершенно седых волос. Без очков. Он направился прямо к стойке, взял несколько бутербродов и высокий стакан оранджа. Окинул взглядом зал, подошел к нашему столику и попросил разрешения сесть. Отхлебнув оранджа, повел носом – в воздухе плавал аромат

нашего с Эдиком кофе.

– Вы с какой-нибудь дальней базы? – спросил Эдик.

– С дальней? – незнакомец прищурился. – Можно сказать и так. А почему вы решили?

– Селенита видно по походке, – объяснил Эдик. – В Центре мы вас раньше не встречали, да и во всех ближних точках я тоже бывал.

– Понял вашу логику, – кивнул незнакомец. – Но скажите, где вы добыли кофе? Я видел там только это, – он поднял свой бокал, – и минеральную воду.

– Кофе в автомате. – Эдик махнул рукой в дальний конец зала. – Одна попытка в день. Только не выиграешь. Раздобыть сразу две чашки выпадает раз в жизни.

– Он только что это сделал, – добавил я. – А вот я, к сожалению, ни разу не взял ни одной.

– А что у них за игра? Шахматы? Или какой-нибудь «стартрек»?

– Нет, здесь игра для профессионалов, чтобы кофе шел в основном летному составу, а не всяким там посторонним. Сидишься за штурвал воображаемого космолета и определяешь гравитацию незнакомой тебе планеты. Ее автомат подбирает случайным образом.

Незнакомец посмотрел на Эдика с недоумением.

– Что же здесь сложного? Подобрать режим, зависнуть – и все дела. До любого десятичного знака.

– Вы так считаете? – произнес Эдик слегка оскорбленно. –

Топлива-то компьютер дает в обрез, только на взлет да посадку плюс еще десять секунд. И всякие ограничения. Кончилось топливо – сообщает, что ты грохнулся и не кофе тебе нужен, а квалифицированная медицинская помощь. Пре-высил три «же» – сообщает, что ты без сознания. Тоже, как правило, грохнешься...

– А если после взлета выключить движок на секунду-другую? – предложил незнакомец. – Потом разделить разность скоростей на время, вот и вся хитрость.

– Их не перехитришь! – хмыкнул Эдик. – Выключить двигатель, как же! Так бы всякий определил. Но выключать запрещено правилами. Поверьте – выиграть почти невозможно. Я не космонавт, но на ракетах летаю много. Тем не менее сегодня мне просто повезло.

– Ты, Эдик, скромничаешь, – сказал я. – Ты в этом деле ас. А вот я управлял ракетой один-единственный раз в жизни.

– Первый раз вижу такого человека, – задумчиво проговорил незнакомец. – Видимо, дают по чашке за каждый угаданный знак?

– Точно.

– Надо попробовать. – Он встал со своего места. – Вам принести?

– Я, право, не знаю... – заколебался я.

– Несите, – сказал Эдик. В голосе его звучало сдержанное злорадство. – И лучше по две – нет, по три чашки. Но запомните: я вас предупреждал. Вы кто по специальности?

Конечно, пилот?

– Бывший, – помолчав, сказал незнакомец. И пошел в дальний конец зала.

– Пижон, – сказал Эдик. – Но я его прищемил. Думает, раз он профессионал, все получится. Как бы не так! Я неоднократно наблюдал, как настоящие пилоты, даже не бывшие, возвращались ни с чем.

– Зачем ты так? Ты же его не знаешь.

– Человека видно по походке, – произнес Эдик. – Обыкновенный пижон...

Он замолчал, потому что по залу пронесся восхищенный ропот. Наш новый знакомый возвращался, балансируя подносом, уставленным чашками кофе. Как и полагается бывалому селениту, времени не терял: на ходу отхлебывал ароматный напиток. Завсегдатаи вытаращили глаза – ни один из них не видел ничего подобного.

– Себе я взял две, если не возражаете, – сказал он, опускаясь в кресло. – А вам по три, как и просили.

– Восемь знаков? – с трудом выдавил Эдик и на длительное время потерял способность что-либо спрашивать. Он, только что герой дня, был попросту уничтожен.

– Но как вы все-таки это сделали? – поинтересовался я, немного опомнившись. – Или это секрет?

– Никаких секретов. – Он отставил пустую чашку. – Я терпеть не могу компьютеров, особенно тех, которые что-то мне запрещают. Он думает, что если запретил мне отклю-

чать движок, то я так и послушался!

– Но если его выключить, загорится транспарант «Нарушение правил» и вы лишитесь права на игру.

– Что же я, идиот? Я сделал так, чтобы он сам его выключил!

– Каким образом?

– Проще простого, – улыбнулся он. – Во время полета превысил допустимое ускорение, он выбросил транспарант «Пилот без сознания» и выключил двигатель.

– Но вы бы разбились!

– Зачем же? Я превысил ускорение на самую малость. Дал такую тягу, чтобы движок вырубился всего на пару секунд. Упасть я просто не успел. А чтобы увеличение тяги не повлияло на скорость, я дал очень малый расход, но за ничтожное время. Ускорение получилось большое, и этот электронный болван выбросил свой транспарант. Я подождал, пока он погас, разделил разность скоростей на время свободного падения, и вот результат.

Эдик сидел, опустив глаза. Лицо у него полыхало. Он, обжигаясь, пил кофе большими глотками.

– А где вы раньше летали? – спросил я чуть погодя.

– Юпитер, – сказал он. – Ио, Европа, Каллисто... Действительно, тяжесть как на Луне, вот вы и приняли меня за местного. А сейчас в отставке... По возрасту.

– И что теперь?

– На Землю, – сказал он.

– Вот и отлично, – сказал я. – Давайте полетим вместе. Я тоже туда собираюсь. В отпуск.

– По рукам. Вы мне нравитесь. Пойдете со мной штурманом? Меня зовут Михаил Коршунов. Профессиональная кличка Лунный Коршун. Не слышали? Луны Юпитера. Так договорились – летим вместе?

– Договорились, – сказал я. – Меня зовут Александр. Александр Перепелкин. Без клички. Только лайнер ушел вчера. Теперь две недели ждать.

– Лайнер? – поморщился он. – Я летел Юпитер – Луна на лайнере. Скукотища. Стюардесса разносит конфеты и воду. Заставляют сидеть в кресле... Нет, мне лайнер не по душе.

– А как же иначе? Космический лифт пока не построили.

– Вот я и думаю, – сказал Михаил Коршунов. – Простите, Эдуард, если не ошибаюсь? Вы говорили, что много летали на ракетах. Не знаете, где можно раздобыть корабль, хотя бы плохонький?

Эдик поднял лицо. Краска с него уже схлынула, а в глазах появилось выражение, которое мне не очень понравилось. У него такое бывает. Что-то нехорошее, мстительное.

– Плохонький? – повторил он.

– Меня устроит любой.

– Тогда я вам помогу. У меня есть именно то, что вам нужно.

Так сказал Эдик. Я-то знал, что у него нет ничего, кроме старого лунолета, вроде того, на каком мы с сыном соверши-

ли свое невероятное путешествие.

– Если движок цел, – сказал Коршунов, – беру не глядя.

– Договорились? – пародируя его интонацию, переспросил Эдик Рыжковский.

– Конечно. Я своего слова назад не беру. Никогда. У вас есть описание?

– Естественно, – зловеще усмехнулся Эдик. И выложил на стол паспорт – да-да, того самого лунолета!

Коршунов погрузился в чтение. Он шевелил губами, иногда повторяя вслух: сухая масса – две тонны. Топливо – керосин и кислород. Предназначен для перелетов вдоль поверхности Луны на расстояния не свыше 1000 километров...

И вдруг захохотал. Он смеялся долго и искренне. Эдик тоже засмеялся – сначала робко, потом все уверенней. За унижение он отомстил, счет стал один – один, и на душе у него, видимо, полегчало. На них оглядывались. Я молча ждал, пытаясь сообразить, во что может вылиться эта ситуация.

– Ну и колымага! – отсмеявшись, сказал Коршунов. – Но зачем все эти дурацкие ограничители? На ускорения, на расход, на время маневра? Учтите – я все это выброшу.

Лицо у Эдика Рыжковского стало растерянным.

– Да вы что... берете?

– Конечно. Мы же с вами договорились. Разве не так?

– Но я же просто пошутил! – воскликнул Эдик. – Прошу вас меня извинить...

– Извинения не принимаются, – холодно заявил Лунный

Коршун, и вдруг стало ясно, почему его так прозвали. — Я беру ваше судно.

— И вы действительно... полетите?..

— Разумеется.

— Но это безумие! — рассвирепел Эдик. — Эта машина никогда не поднималась даже на орбиту! Она предназначена для горизонтальных полетов! Идти на ней в космос — это... это...

— Ну, — прищурился Коршунов, — смелее.

— Это то же самое, что переплывать океан на плоту! — выпалил Эдик Рыжковский. — Безумие, тысячу раз безумие!

— Но ведь переплывали же, — спокойно возразил Коршунов. — На чем только не переплывали. Интересное, легендарное было время — двадцатый век... И спасибо за хорошую мысль. Как называется ваше судно?

— Никак. Есть только номер.

— Вот и отлично. Тогда с вашего разрешения я нарекаю его «Кон-Тики». Не возражаете?

Возражений не последовало. Коршунов встал.

— Смотреть будем завтра. Встречаемся здесь в это же время. — Он повернулся ко мне: — Договорились?

Я неуверенно пожал плечами:

— Ну, мне-то, наверное, необязательно.

— Вообще-то желательно. Принято, что при первом осмотре присутствует весь экипаж. Ведь мы идем вместе, мы же договорились. Вы мой штурман, еще не забыли?

Он взглянул на меня в упор. Никакой насмешки в его холодных глазах не было. По-моему, я побледнел. Сказать ничего не смог, только кивнул.

– Так что завтра на этом же месте, – сказал Лунный Коршун. Потом повернулся к нам спиной и своей лунной – нет, каллистянской походкой зашагал к выходу.

– Я просто хотел пошутить, – несвязно бормотал Эдик Рыжковский. – Просто пошутить. Просто-напросто пошутить...

2. Двое на Боливаре

– В чем дело, штурман? – крикнул вдруг Коршунов.

С момента старта прошло уже почти полчаса, постройки Центра давно скрылись из виду. Под нами тянулись однообразные безжизненные ландшафты. «Кон-Тики» мчался по низкой орбите, на высоте не более четырех километров. Облачный серп Земли и маленький рядом с ним ослепительный диск Солнца уже переместились из зенита, где они стояли в момент старта, к самому горизонту. На разгон до орбитальной скорости у Коршунова ушло около минуты: щадя меня, он избегал чрезмерных перегрузок. Лунолет он вел уверенно и спокойно – сказались четыре дня довольно изнурительных тренировочных полетов. «Чтобы почувствовать машину, – объяснил он их назначение. – И эту луну. У каждой машины свой темперамент, у каждой луны тоже. Они как женщины, штурман. Тут нужен опыт, никакая теория не поможет».

Сначала я думал, что мои штурманские обязанности будут, если можно так выразиться, чисто номинальными. В крайнем случае придется работать с киберштурманом, а я хорошо знаю эту аппаратуру. Но я ошибся. Все вычислительное и навигационное оборудование Коршунов попросту выбросил. «Не заблудимся, – объяснил он. – Опыт и здравый смысл – больше нам ничего не требуется. Лучше определять координаты на глаз, чем таскать лишний балласт на своем

горбу, а потом гробануться на финише». В результате лунолет облегчился килограммов на пять – десять; из всей навигационной аппаратуры Коршунов оставил только бинокль, да и то лишь потому, что к хорошим биноклям у него слабость. Так он сказал. А мне, вместо того чтобы спокойно работать за дисплеем киберштурмана, пришлось срочно обзаводиться ветхой лощей и комплектом пожелтевших крупномасштабных карт, а потом аккуратно разрисовывать их короткими и длинными линиями – трассами наших полетов – с обязательным указанием контрольных высот. Маршрут выбирал я – Коршунову было все равно, куда лететь. На двухминутную работу при такой организации труда уходило не меньше часа. «Я дисплеям не верю, – говорил Коршунов. – Они за секунду выдадут тебе точный разрез, но забудут сообщить, что справа от трассы вершина, а тебя каким-нибудь солнечным ветром обязательно вынесет прямо на нее, и будь здоров. Рельеф – наш главный враг, штурман. Лучшие луны те, на которых рельефа нет. Европа или, скажем, Плутон». – «Какая же это луна? – удивлялся я. – Нас учили, что это планета». – «Бывшая луна Нептуна, – объяснял Коршунов. – И вообще это как должность и звание. Луна, занимающая планетную должность. Ты еще Цереру обзови полноценной планетой. Или какую-нибудь Палладу...»

Топлива в баках «Кон-Тики» умещалось три с половиной тонны, но в предварительные полеты мы брали одну, максимум полторы. «Таскать на горбу балласт я не намерен, –

повторил Коршунов. – Топлива в рейсе должно быть ровно столько, сколько необходимо. И запомни, штурман: никаких заначек. Здесь тебе не авиация. Я обязан в каждый момент точно знать, сколько у меня топлива. Знать с точностью до грамма».

На сегодняшнем старте баки – впервые за неделю – были полны. Центр Королева расположен в Центральном Заливе, и прямо над нашими головами, за прозрачным колпаком кабины, висела Земля. Обычно она выглядит огромной, но в предстартовые мгновения показалась мне весьма и весьма маленькой. Коршунов подтвердил класс: когда исчез вес, а двигатель умолк, на указателе вертикальной скорости воцарился нуль. Мы неслись по низкой круговой орбите, над незримой границей между Океаном Бурь и Морем Дождей. В стороне остались крупные кратеры Коперник и Аристарх. На маршруте не было особых препятствий – лишь один довольно протяженный горный массив на обратной стороне, с высотами, не превышающими трех с половиной километров. Поэтому Коршунов отказался подниматься выше четырех: «Я не собираюсь терять при спуске драгоценные килограммы только из-за того, что кому-то захотелось поближе к небу. Я не альпинист, а космонавт. Если бы было можно, я бы никогда не забирался выше ста метров. Так летают над Европой. Там только лед, гладкий лед, и очень редко торосы».

Вот так мы и летели: на табло нули, однообразный ландшафт усыплял, и вдруг...

– Спишь, штурман?! – заорал Коршунов. Мы сидели с откинутыми шлемами, от его крика буквально содрогнулась кабина.

Я, видимо, действительно задремал – устал за последние дни, – но от этого вопля всякий сон, конечно, пропал. Уставился в пульт, однако ничего катастрофического не обнаружил. Практически те же цифры, что и полчаса назад, светились на индикаторах альтиметра и измерителей скорости. Лишь точка, отмечавшая наше положение на лунном диске, сместилась к самому его краю. Но чтобы удостовериться, что это на самом деле так, необязательно смотреть на приборы: Земля уже заходила за горизонт.

– По-моему, все нормально, – сказал я, впрочем, не слишком уверенно.

– Вот как? – в его голосе появилась веселая злость. – Значит, штурман считает нормальным, когда корабль падает?

Я посмотрел, куда он показывал, – на индикатор вертикальной скорости. Вместо нуля, что красовался там совсем недавно, сейчас светилось какое-то число, только весьма и весьма малое. Мы действительно «падали», но со скоростью несчастных сантиметров тридцать в секунду!

Конечно, это меня огорчило. Пусть я не профессионал, но значит ли это, что надо мной можно вот так подшучивать?

– Кошмар! – сказал я спокойно, но вместе с тем и слегка озабоченно. – И правда падаем! Если так пойдет дальше, то от нас ничего не останется витка через полтора.

И я ему подмигнул: мол, вас понял, и нечего меня разыгрывать. Нынешний рейс Коршунов рассматривал как генеральную репетицию. Облет Луны с посадкой в точке старта. Лунолеты типа «Кон-Тики» еще никогда не выполняли подобных рейсов, никто и не подозревал, что они на такое способны. Четверть витка мы уже прошли – осталось три четверти. Три четверти, но никак не полтора.

В его холодных глазах не появилось и тени улыбки – лицо было таким же, как много часов назад, когда Эдик Рыжковский бормотал: «Я просто хотел пошутить».

– Смотри лучше, штурман, – сказал он.

Я последовал его совету. И вдруг понял. Число на указателе скорости не оставалось постоянным. Оно медленно росло – разумеется, с отрицательным знаком. На нас, стало быть, действовала неучтенная слабая сила...

– Что это значит? – озадаченно спросил я.

– Что значит? – повторил он. И вдруг опять закричал: – Я впервые на этой луне, как я могу знать? Я уже спрашивал, штурман, и спрашиваю еще раз: какие есть препятствия на выбранном вами маршруте? Я посмотрел на карту.

– Их нет. Отклонения рельефа от условного нуля не превышают одного-двух километров. Лишь на обратной стороне мы пройдем над протяженным горным массивом с максимальными высотами около трех с половиной километров...

– Что мне та сторона? – крикнул он. – Мы еще пока что над этой, и нас тянет вниз. Что у тебя здесь, штурман? – Он

ткнул пальцем в карту. И, надо сказать, именно туда, куда следовало. Все сразу стало понятно.

– Маскон! – обрадовался я. – Локальный концентрат массы! Он-то и тянет нас вниз.

– Отлично, – кивнул Коршунов. – Даже превосходно. Почему же, докладывая обстановку, вы не упомянули об этом масконе?

– А что он может? – пожал я плечами. – Гравитационная аномалия в эпицентре не превышает одного процента. Так записано в лоции. Один процент и без того слабого лунного тяготения! Ну, подпортит немножко орбиту. Но мы над ним быстро пройдем, потом она восстановится. Поле-то потенциальное! Пусть у меня мало опыта, но здравый смысл...

– Значит, вы полагаете, что нам ничего не грозит?

– Естественно.

– Хорошо, – сказал Коршунов. – Оставим все как есть.

На вид он полностью успокоился, но мне показалось, что это не совсем так, и я с удвоенным вниманием следил за приборами. Судя по карте, маскон мы уже миновали, но скорость снижения продолжала расти, хотя не достигла еще и метра в секунду. Земля скрылась за горизонтом, сразу за ней – Солнце. «Кон-Тики» окутал мрак. Только небо вверху было усыпано бесчисленными немигающими звездами, а внизу звезды заслоняла Луна.

И вдруг мне стало страшно.

Мы летели все-таки на очень небольшой высоте – кто зна-

ет, что тaitся внизy, в этом бездонном мраке? Что, если там какая-нибудь вершина, не замеченная картографами? Или врет альтиметр? Совсем немного, на какой-нибудь километр? Кроме того, высота неуклонно падала, вертикальная скорость и не думала убывать. А мы и так опустились уже почти на полкилометра...

Я дал подсветку на карту. До опасного высокогорного района оставалось меньше тысячи километров – минут десять полета с нашей скоростью. И тут до меня дошло, что мы уже летим ниже вершин – не воображаемых, а вполне реальных, – что, если так будет продолжаться, через десять минут мы неминуемо врежемся!..

Как ни удивительно, это открытие меня успокоило.

– Михаил! – сказал я. – Не понимаю, в чем дело, но орбита, кажется, восстанавливаться не собирается. Мы уже опустились ниже гор...

– И какие будут рекомендации, штурман? – насмешливо прищурился он в неярком свете индикаторов. – Идти вверх?

– Немедленно!

– Наконец-то разумные речи, – усмехнулся он, берясь за рычаги управления. Двигатель снова запел, но на этот раз перегрузка не ощущалась. С облегчением я следил, как скорость уменьшилась до нуля, потом изменила знак... Мы шли вверх. Маневр, надо сказать, был выполнен своевременно – прежней высоты мы достигли, если верить карте, уже в районе предгорий.

Я представил себе, как невидимые в темноте, всего в нескольких сотнях метров под нами проносятся зазубренные пики лунных гор, и мне вновь стало жутко. Вдруг альтиметр дает все-таки неверные показания...

– Не нервничай, штурман, – услышал я голос Коршунова. – Они прямо под нами, и до них не меньше пятисот метров. Опытный пилот чувствует такие вещи. Мы чувствуем это кожей...

Я так и не знаю, правду ли он говорил или просто чтобы меня подбодрить. Через некоторое время опасный район остался позади. «Кон-Тики» уверенно приближался к месту своего назначения. Впереди наметилась извилистая огненная линия – лучи невидимого еще Солнца скользили по склонам высоких лунных цирков. Еще немного – и «Кон-Тики» вновь выйдет на освещенную сторону.

Мой взгляд упал на индикатор топлива. Много ли мы израсходовали на непредвиденную встречу с масконом? Вряд ли. Перегрузка почти не ощущалась...

Но я увидел такое, от чего волосы у меня на голове буквально встали дыбом.

– Михаил, – проговорил я с трудом, – посмотри сюда. Видишь?

– А в чем, собственно, дело? – поинтересовался он довольно флегматично.

– Когда мы вылетали, – сказал я, – в баках было три с половиной тонны топлива. Так?

– Да, и ни граммом меньше.

– Оказывается, мы почти все истратили, – продолжал я. – Проклятый маскон! Мы сожгли больше двух тонн! Мы не сможем теперь сесть!

– Ты в этом убежден, штурман?

– Да, – твердо сказал я. – Нам придется просить помощи. Пока не поздно. Пока мы еще на орбите!

– Чтобы я просил помощи? – бросил он яростно. И замолчал. Я следил за его лицом. На его тонких губах появилась улыбка.

– Вспомнил одну старую историю, – ответил он на мой недоуменный взгляд. – Значит, штурман, ты полагаешь, топлива на финиш не хватит? – Я молча кивнул. – Допустим, что это так. Но если бы в кабине был только один из нас, топлива бы хватило. Масса человека в скафандре – килограммов сто пятьдесят, если не ошибаюсь?

– Да, – пробормотал я, еще не понимая, куда он клонит.

– Тогда у нас остается единственный выход. Над безатмосферными лунами так иногда делают. Один из двоих идет за борт, становится спутником луны, а второй садится, управляется, потом взлетает и подбирает товарища.

Я не смог ничего ответить. У меня пересохло во рту.

– Дальше начинается арифметика, – проговорил он жестко, и я сразу вспомнил его профессиональное прозвище. – Если за борт пойду я, ты все равно не сядешь. Погубишь и себя, и «Кон-Тики», и в конечном счете меня. Если же за

борт пойдешь ты...

Он смотрел на меня холодными, немигающими глазами.

– Словом, как говорилось в той истории, Боливар не вынесет двоих. Что скажешь, штурман?..

3. Прощайся с этой луной!

Мы стояли рядом с «Кон-Тики» на лунных камнях. Тени прятались под ногами. Машина подтвердила, на что способна: совершив кругосветное путешествие, «Кон-Тики» вернулся на собственную стоянку, в ту же точку, откуда взлетел. Коршунов придерживался за посадочную опору, его пошатывало. Что ж, он поработал на совесть. Когда амортизаторы коснулись грунта, топлива в баках не осталось ни капли, зато и скорость ушла в ноль – и вертикальная и горизонтальная. Я, надо сказать, тоже не чувствовал себя бездельником – одних только цифр («высота... скорость... высота... скорость...») за последние минуты пришлось надиктовать сотни. Но все это было в прошлом.

А здесь, куда мы столь блистательно возвратились, все осталось как было. Все так же стояли на своих местах лунолеты, из-за близкого горизонта выступали здания промышленного блока. С момента старта минуло чуть менее двух часов, и Солнце по-прежнему висело в зените. Разве что отодвинулось от Земли на пару своих диаметров.

Коршунов наконец поднял голову.

– Вот она. – Он показал на запад. Над горизонтом поднималась блестящая вертикальная черточка. – Станция «ЮГ», «Юрий Гагарин», наша первая остановка...

«Остановка» довольно бодро взбиралась к зениту. На вос-

хождение ей потребовалось минуты три. Теперь, наблюдаемая с торца, она выглядела уже не черточкой, а едва различимым кружочком.

– До нее всего пятьдесят километров, – сказал Коршунов, – но у нас свой отсчет, для нас это четверть дороги. Мы заправимся там и пойдем дальше. Когда старт, штурман?

Я вздрогнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.